

ИТОГИ ОДНОГО КОРОТКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ МЕРИ УОЛСТОНКРАФТ

Мери Уолстонкрафт (Mary Wollstonecraft, 1759-1797) – выдающаяся женщина эпохи Французской революции, лидер европейского движения за права женщин. Ее короткая жизнь (38 лет), как и смерть, были значительными не только для близкого окружения известной феминистки, но и для всех, кто знал и был увлечен ее идеями. Однако всю значимость личности М. Уолстонкрафт современники оценили только после ее кончины. Высокие слова, восхвалявшие вклад лидера радикального политического и женского движения в Европе, появлялись в периодике в дни траура. Ее называли «гениальным и неодолимым духом времени», «жертвой грехов и предрассудков человечества»¹. В октябре 1797 г. в анонимной статье в “Gentleman’s Magazine” о ней было написано как о женщине «незаурядного таланта и выдающихся знаний»². Даже в «Антаякобинце» – главном оппозирующем Годвину и М. Уолстонкрафт издании – отмечалась значимость лидеров радикального движения, их союза, в котором виделся союз атеизма, анархизма, феминизма, политики Французской революции и свободной любви.

Первые уроки в политическом образовании и деятельности М. Уолстонкрафт получила, сотрудничая в Лондоне с издателем журнала «Analytical Review» Джозефом Джонсоном³. В известном издании «брата», как звала Джонсона М. Уолстонкрафт, были опубликованы ее первые произведения – “Original Stories from Real Life” (1788), “The Female Reader” (1789), роман “Mary: A Fiction” (1788), “Thoughts on the Education Daughters” (1787)⁴. Любопытно, что свой творческий путь знаменитая женщина Французской революции начинает, укрывшись под псевдонимом, как бы знаменовавшим начало поиска самой себя, в отличие от Годвина, который в конце жизни, подписывая произведения псевдонимом, сигнализировал о потере себя былого.

Псевдоним М. Уолстонкрафт – Мистер Крессувик, учитель ораторского искусства (Mr Cresswick, teacher of Elocution) – не случаен: в нем, безусловно, есть предчувствие своей будущей социальной и политической роли. Но первый политический трактат, ответ Э. Берку, начинающий политик издаст анонимно, не поставив ни подлинного имени, ни псевдонима. Авторство известного произведения М. Уолстонкрафт «В защиту прав человека» (“Vindication of the Rights of Men”, 1790) будет обозначено только во втором его издании, после чего все последующие произведения будут выходить с именем европейского лидера борьбы за права женщин.

Увлеченная радикальными идеями сторонников Французской революции, М. Уолстонкрафт едет в Париж, где в течение 1792-1793 гг. оказывается в эпицентре революционных событий с их трагической развязкой: она видит казнь короля, его печальное шествие по улицам Парижа, узнает о расправе со своими соратниками. Отсюда – разочарование в революционных идеях, которое наступает быстрее и драматичнее, чем у Годвина. Уже не столь пафосно и оптимистично пишет она о перспективах социального преобразования в трактате «Исторический и нравственный взгляд на Французскую революцию и на ее последствия в Европе» (“A Historical and Moral

¹ Цит. по: *Holmes Richard*. Introduction // Mary Wollstonecraft and William Godwin. A Short Residence in Sweden and “Memoirs of The Author of “The Rights of Woman”, Penguin Books, 1987. P. 15.

² Ibid. P. 15.

³ Джозеф Джонсон (Joseph Johnson, 1738-1809) – издатель радикальных взглядов. Начинает свою издательскую деятельность в Лондоне с 1752 г. В его апартаментах над издательством по улице St Paul’s Churchyard, 72 встречались Блейк, Уильям Каупер, Мария Эджуорт, Эразм Дарвин, Пейн, Уордсворт.

⁴ Этот трактат о воспитании девочек был первым размышлением М. Уолстонкрафт о системе образования ребенка, которое впечатлило своей оригинальностью романтиков, в частности, Блейка. Известно, что Блейк иллюстрирует две детские книжки М. Уолстонкрафт. См.: *Линнелль Б.* Портрет Уильяма Блейка // Всемирная история в лицах – XVIII век // http://www/free/time/ru/razdels/!anzike/b_18.html/.

View of The French Revolution, and the Effect it Has Produced in Europe”, 1794). Речь в нем шла уже о внутренних противоречиях Французской революции и опасности ее перерождения. Совсем по-другому здесь расценены аргументы Э. Берка, с которыми так яростно, как и Годвин в «Исследовании о политической справедливости», спорила в своих предыдущих работах и, особенно, в своем главном политическом произведении – «В защиту прав женщины» (“Vindication of the Rights of Woman”, 1792). Перемены в концептуальном понимании места и роли человека и женщины в социально-политической жизни от первого трактата к последнему и далее, к неопубликованному при жизни автора роману «Мария, или ошибки женщины» («Maria, or the Wrongs of Woman”, 1798) разительны, но логичны. Меняется концепция женщины и сам тон изложения идей. Несостоятельность упований на дерзновенный разум человека⁵ возвращает М. Уолстонкрафт к осознанию значимости традиционных ролей и функций женщины в обществе и семье. Полемичность по отношению к Э. Берку сменяется полемичностью по отношению к «экстремальному характеру годвиновского радикализма»⁶.

Начало полемики между ними относится к той первой встрече, которая произошла 13 ноября 1791 года на вечеринке по случаю отъезда в революционную Францию Томаса Пейна. Годвин и Мери Уолстонкрафт встретились тогда, когда еще не были увенчаны славой и широким признанием европейской общественности. Оба – просто сотрудники издания Джонсона, обозреватели текущих политических событий.

Первое впечатление от встречи было неприятным, о чем Годвин подробно расскажет в биографии М. Уолстонкрафт (*Memoirs of The Author of The Rights of Woman*”, 1798). Было лишь ощущение несходства, неприятия, различия мнений по всем пунктам спора⁷.

Вторая встреча в 1796 г. была совсем другой. Каждый уже переживал и жизненный, и идеологический кризис. Годвин был подавлен несостоятельностью своих идей после Террора во Франции, преследованием и жесточайшей критикой радикалов на родине. Изолированная, холостяцкая жизнь убеждала его в абсолютной несовместимости с внешним миром.

Мери Уолстонкрафт, которая была непосредственным свидетелем событий в революционном Париже, переживала острейший кризис в личной жизни, связанный поначалу с Генри Фюзели⁸, а позже с Джильбертом Имли⁹ – человеком неопределенной профессии, авантюристом, искателем приключений, в большей мере, любовных. От него у Мери Уолстонкрафт рождается дочь – Фанни Имли (Fanny Imlay, 1794-1816), поистине «дочь революции», трагическая личность, которой, как скажет Ричард Холмс, «суждено было быть всегда только в сносах к истории

⁵ См.: *Khin Zaw Susan. The Reasonable Heart // Papers presented at The Mary Wollstonecraft in Sweden 1795-1995 Conference. 2-6 September 1995. Uddevalla, 1995. P. 74.*

⁶ *Sheats Paul D. Mary Wollstonecraft. Revolutionary Violence and the Repudiation of Sensibility // Papers... Op. cit. P. 67.*

⁷ *Godwin W. Memoirs of The Author of The Rights of Woman // Mary Wollstonecraft and William Godwin. A Short Residence in Sweden and Memoirs of The Author of “The Rights of Woman” /Ed. Richard Holmes, Penguin Books, 1987. P. 236.*

⁸ Henry Fuseli (1741-1825) – швейцарский художник, бывший пастор из Цюриха. С 1763 г. проживал в Лондоне, сотрудничал с Джонсоном. Слава приходит к нему после появления знаменитой картины «Ночной кошмар» (“The Nightmare”), которая не могла не запечатлеться в сознании М. Шелли – авторе «Франкенштйна»; иллюстраций к произведениям Мильтона и Шекспира. Художника почитал Блейк.

⁹ Gilbert Imlay (1754-1828) – писатель, бизнесмен, авантюрист, автор известного в истории американской литературы романа «Эмигранты» (1793), в котором, как чуть позже стало понятным, перепевались, но уже на американский манер, идеи М. Уолстонкрафт и У. Годвина о социальных реформах, правах женщин и либеральном законе о разводах. Американец по происхождению, участник Войны за Независимость, покоритель дамских сердец. Последняя информация о нем относится к 1797-1798 г., когда он жил в Париже. Однако его могильный камень обнаружен на острове Джерси (St Brelade, Jersey), в проливе Ла-Манш.

Уолстонкрафт-Годвина-Шелли¹⁰). Дочери удалось осуществить то, что дважды пыталась сделать с собой отчаявшаяся Мери Уолстонкрафт.

Страсть к Имли, которая ослепила М. Уолстонкрафт, заставила позабыть ее о тех идеях вольного, суверенного союза, которым, как всегда считала, должна быть связь между мужчиной и женщиной.

Отрезвление наступает тогда, когда американский делец отправляет свою опостылевшую возлюбленную с глаз долой, в Скандинавию, втягивая ее в преступный бизнес, где была и незаконная переправка грузов, и пропаша корабля с ним, поиски поделщика, и прочие махинации, в которых М. Уолстонкрафт предстояло разобраться. Но сумрачная экзотическая часть Европы, куда попадает со странной миссией молодая женщина, пробуждает стремление к анализу и самоанализу сложившейся ситуации. Результат – рождение удивительного для литературы конца XVIII века варианта травелога – «Письма, написанные во время краткого пребывания в Швеции, Норвегии и Дании» (“Letters Written during a Short Residence in Sweden, Norway and Denmark”, 1795). Полное название произведения часто сокращалось: Годвин называл его «Путешествие по Норвегии» или «Путешествие по Скандинавии», в современной литературе уже привычно называть его так, как озаглавлена предлагаемая статья.

Необычность путевых заметок английской путешественницы конца XVIII в. была в интимно-личностной манере повествования¹¹, предвещавшей романтическую исповедальную прозу и лиро-эпические жанры. Произведение М. Уолстонкрафт давало модель и романтического повествования, и образа романтической героини, переживавшей разлад с миром и с самой собой. В Предуведомлении (Advertisement) автор признается, что в своих хаотичных письмах она оказалась «главным действующим лицом... маленьким героем каждой истории» (“the little hero of each tale¹²”).

Картины природы и описания обычаев, нравов северных стран в «Письмах...» были окрашены личностным взглядом той, кто все проецировала на состояние своей души. Из этих

¹⁰ Как и у матери, у Фанни преобладал меланхолический настрой души, но, хотя она и жила в тени своей знаменитой сводной сестры, будущей писательницы Мери Шелли, обладала не менее сильным, чем у нее, волевым характером. Фанни Имли покончила жизнь самоубийством и, как говорят, от неразделенной и тайной любви к Шелли.

(См.: *Holmes Richard. Footsteps. Adventures of a Romantic Biographer. Penguin Books, 1985. P. 113*).

Шелли откликнется на ее смерть поэтическими строками:

«Дрожал ее голос, когда мы прощались,

Но я не видел, что это – душа

Дрожит в ней и меркнет, и так мы расстались,

И я простился, небрежно, спеша.

Горе! Ты плачешь, плачешь – губя.

Мир этот слишком велик для тебя»)

(*Шелли. О Фанни Годвин. / Пер. с англ. К.Д. Бальмонта // Шелли П.Б. Великий Дух. М.: ТОО Летопись, 1998. С. 83*).

¹¹ Эту манеру в жанре травелога чуть позже воссоздаст М. Шелли, когда напишет свою исповедь-отчет о шестинедельном туре по европейским странам (*Shelley M. Six Week's Tour through a part of France, Switzeland, Germany, and Holland, with Letters Descriptive of a Sail roud the Lake of Geneva, and of the Glaciers of Chamouni*). L.: T. Hookland, Jun, and C. and J. Ollier, 1817). Да и романтический исповедально-эпистолярный роман «Франкенштейн», в принципе, написан как «отчет» Уолтона о путешествии в северные моря. Отметим, что с этим произведением М. Шелли и Шелли не расставались во время их первого путешествия – побега из Англии в 1814 году.

¹² *Wollstonecraft Mary. A Short Residence in Sweden, Norway, and Denmark// Wollstonecraft Mary and Godwin William. A Sort Residence and Memoirs of The Author of “The Rights of Woman”. Penguin Books. 1987. P. 62.*

Все последующие ссылки на данное издание с указанием страниц в тексте.

исповедальных писем-очерков рождалась драма и самого времени, и женщины, осознававшей сущность злого рока в своей судьбе, роли, которую сыграл в ней ее демонический возлюбленный¹³.

Книга после выхода становится чрезвычайно популярной в Европе. Ее переводят на немецкий, датский, шведский и португальский языки. А в 1802, уже после смерти М.Уолстонкрафт, было осуществлено второе издание. Романтическая монодия – исповедь, «эмоциональная драма одинокой и отвергнутой женщины, тоскующей о своем неверном возлюбленном»¹⁴, потрясла Годвина и заставила ощутить духовное и интеллектуальное родство с автором, внутреннее сходство переживаемой ею личной драмы с тем, что переживал сам. Совпали чувство и настроение печали и меланхолии. Оба, как напишет Фред Боттинг, двигались в русле «готического мышления», порожденного самим временем, его образами, творческим осмыслением. Истоки такого мышления отсылают к трактату Э.Берка. Ведь сама его теория о возвышенном и прекрасном (*sublime and beautiful*) тревожила сознание человека, призванного уже на рубеже веков вглядываться в красоту страшного. Главное историческое событие эпохи – Французская революция воспринималась многими как «готическая история»¹⁵, которая находила разные формы социально-политической и художественной интерпретации.

Берк стимулировал это «готическое сознание», но одновременно подготовил «теоретическую базу для позитивной критики «готического вкуса»¹⁶. Буквально словами из трактата Берка о происхождении идеи красоты и возвышенного М.Уолстонкрафт скажет о Скандинавии как стране, чья красота ассоциируется с «чувством возвышенного и пугающей фантазией» [“*sublimity and wildness of fancy*”, p. 147]*.

Вынужденная деловая поездка приводит М. Уолстонкрафт в экзотический край, который становился для нее как для человека просветительской эпохи любопытным и познавательным объектом в изучении и сопоставительном анализе социального строя, проблем семьи, воспитания детей, обычаев и нравов. В своих наблюдениях она со всей очевидностью проявляет себя как политик, социолог, отмечающий социальную, классовую, прежде всего, несправедливость, несоответствие между трудом и капиталом [“*profit and labour*”, p. 120]. Она, безусловно, борется за права женщин, когда обращает внимание на униженное положение скандинавской женщины, тиранию мужчины, «ее угнетателя» [“*her superior*”, p. 171].

Но одновременно Скандинавия воспринималась лидером европейского феминизма уже во многом с других позиций: как некий экзотический локус, отождествляемый с «иным», загадочным и оттого притягательным смыслом, не отравленным еще тленом современной цивилизации. От поэтического и поэтизирующего взора писательницы не ускользают величественные и возвышающие душу картины этого края: «.. ничто не может сравниться с

¹³ История драматичных отношений Уолстонкрафт и Имли найдет свое отражение в литературе этих лет. По утверждению Ричарда Холмса, «Кубла Хан» Кольриджа был создан под впечатлением от «Писем...» М.Уолстонкрафт. Английский поэт-романтик был глубоко тронут образом «одинокой женщины, причитающей о своем утраченном возлюбленном из страшного далека» (*Holmes Richard*. Introduction. Op. cit. P. 39). Исследователь видит в известных строках Кольриджа отражение впечатления от прочитанной им книги:

A sample place! As holy and enchanted
As e'er beneath a waning moon was haunted
By woman wailing for her demon-lover”
(О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной,
Где женщина о демоне рыдала.)
Пер. с англ. К. Бальмонта

¹⁴ *Holmes Richard*. Op. cit. P. 39.

¹⁵ *Botting Fred*. Gothic. L., N.-Y.: Routledge, 1996. P. 86.

* *Везде, где не оговорено специально, переводы текстов М. Уолстонкрафт мои – Т.П.*

¹⁶ *Botting Fred*. Op. cit. P. 87.

красотой северного летнего вечера..» [р. 69], «Какая ночь! На небесном своде месяц как бы взывает ко мне с мольбой покинуть край.... И это не просто серебряное отражение солнца, это свечение в своем собственном золотом великолепии» [р. 80]; «...край и природа находятся в гармоничном единении благодаря мельчайшим приметам, невидимым вульгарному взору; все это порождает чувства, которые так дороги воображению...» [р. 80].

В характере образности, поэтическом языке и самом образном мышлении М.Уолстонкрафт новое поколение писателей и поэтов угадывало очертания зарождавшегося искусства романтизма. Отсюда, из этого травелога, как скажет не только уже упомянутый Фред Боттинг, но и современная английская поэтесса, литературовед Лиз Кешден, «Кольридж взял свои слова для «Кубла Хан» (“Coleridge took your words for Kubla Kahn”¹⁷). О романтическом, в большей мере, чем просветительском, восприятии М.Уолстонкрафт картины северных стран пишут и литературоведы. Известный исследователь английской литературы конца XVIII – начала XIX в. Ричард Холмс выражает уверенность в том, что и по философской проблематике, и по темам своих произведений М.Уолстонкрафт вписывается в основное течение английского романтизма¹⁸.

Заметные перемены в восприятии и оценке мира, общества и себя самой, обнажившиеся в «Коротком путешествии...», – следствие грандиозных историко-политических перемен, в эпицентре которых оказалась М.Уолстонкрафт. Но, главное, что определило романтический вектор сознания писательницы, совпадение драмы истории, пропущенной через сердце, с драмой самого сердца.

Дистанция – и временная, и географическая позволяла особенно остро осмыслить крах былых убеждений. Тот задор, пафос, с которым М.Уолстонкрафт вступала в полемику с Э.Берком¹⁹, уступит место иному: терпимости, сочувствию и даже совпадению собственных взглядов с точкой зрения главного оппонента.

Недавние события в революционной Франции теперь уже кажутся «ужасом» [“horrors I had witnessed in France”, p.68], который порождает печаль и вызывает слезы «разочарованного чувства» [“...tears of disappointed affection”, p.68]. Здесь, в Швеции, формируется понимание Революции как сокрушительной силы, унижившей и уничтожившей цвет нации – дворянство, и поэтому с такой осторожной предупредительностью М.Уолстонкрафт пишет о шведском короле, который последовательно проводит политику укрепления власти за счет посягательства на права дворянства [“augmenting his power by encroaching on the privileges of the nobles”, p. 79]. Из уст радикалки-феминистки вдруг вырываются слова сочувствия королю (хотя и шведскому королю Карлу XII, но как понимается, и другому, казнь которого она видела), осуждение тех, кто в предосудительном отношении к монаршей особе руководствуется «сиюминутной моралью» (“morals of the day”), а не «несколькими главными принципами, на которых зиждется неизменная социальная нравственность» [“few grand principles on which unchangeable morality rests”, p. 92]. За этим следует вывод о сложности, неоднозначности бытия, о необходимости с сочувствием и пониманием относиться к его разным проявлениям. Вот почему М. Уолстонкрафт уже не поражает то, что видит в шведской действительности: везде распевают революционные песни и желают установить республику, но при этом каждый высказывает горячую привязанность к своему королю [“.. much attached to their prince royal”, p. 103].

Человек и мир несовершенны, во всем очевидно смешение мудрости и глупости, «любви и ненависти, восхищения и презрения» [р.149]. Вывод не новый для века Просвещения. Но в размышлениях М. Уолстонкрафт о ключевой проблеме своего времени практически нет ничего,

¹⁷ Cashdan Liz. Dear Mary. A Journey Through Sweden and Norway in the Footsteps of Mary Wollstonecraft. Sheffield, 1995. P. 8. Все последующие ссылки на данное издание с указанием страниц в тексте.

¹⁸ Holmes Richard. Introduction // Wollstonecraft Mary and Godwin William.... Op. cit. P. 58.

¹⁹ Хотя М. Уолстонкрафт не привела ни одной женщины на баррикады, как пишет исследовательница ее творчества, Мириам Броди, она «все же вдохновляла их, приносила в души и умы энтузиазм, храбрость» (Brody Miriam. Introduction// Wollstonecraft Mary. A Vindication of the Rights of Woman, Penguin Books, 1992. P. 1). А в спорах с Берком проявляла себя, как «настоящий приверженец Просвещения» (Ib. P. 11).

чтобы говорило о былом желании усовершенствовать мир и человека с помощью решительных действий. В них, этих размышлениях, есть новое пока еще ощущение томления по идеалу, который осознается как недостижимый. Есть и явно романтическое понимание ценности мира в его разнообразии, многоцветьи.

Все этнографические наблюдения М.Уолстонкрафт носят иной, нежели у Дефо или Монтэгу характер. В ее зарисовках скандинавских женщин и мужчин многое предвосхищает то, о чем чуть позже будет писать Ж. де Сталь. И в травелогe знаменитой англичанки речь пойдет о национальных типах культур и людей, рассмотренных во взаимосвязи индивидуального и универсального. Любопытны и яркие, к примеру, наброски национальных портретов деревенской девушки в Скандинавии, Англии, Америке, Ирландии, Уэльсе [р. 83-84]. Везде критично, с иронией, с наблюдательностью историка, политика и феминистки, умеющей увидеть при сопоставлении «своего» и «чужого» плюсы и минусы. Но «свое» оказывается не только национально обусловленный тип культуры и человека, а и тот общекультурный багаж, который каждый раз апробируется, выверяется на прочность.

В духе идей Руссо М.Уолстонкрафт поэтизирует жизнь в Скандинавии, прежде всего, из-за ее нетронутости цивилизацией. Ведь только это, в ее понимании, и обуславливает гармонию человека и природы. Выражая опасения, что цивилизация придет и сюда [“I love the country... I am always afraid of its improvement”, p. 80], путешественница тут же со всей откровенностью признается в том, что цивилизационный процесс неизбежен и без него прогресс человечества невозможен. Как ни приятно слиться с первозданной природой, человек (она имеет в виду и конкретно себя) уже не может обойтись без примет цивилизации – знаний, удобств, технологий: «Я прячусь в леса, но понимаю необходимость выйти из них снова, чтобы не потерять из виду мудрость и добродетель, которые возвышают мою природу» (“I bury myself in the woods, but find it necessary to emerge again that I may not lose sight of the wisdom and virtue which exalts my nature” [p. 122]).

М.Уолстонкрафт одновременно и соглашается с Руссо в том, что счастье человека в «первозданном состоянии природы», и подвергает эту идею критике, поскольку, как она думает, для счастья и жизненного совершенства все-таки требуется «рука человека». Дихотомическое осмысление проблемы «человек и природа», над которой пока лишь рефлектирует женщина Французской революции, чуть позже предстанет как главный конфликт знаменитых романтических произведений Шатобриана, Кольриджа, М. Шелли, Байрона.

Но пока М.Уолстонкрафт в кругу идей своего времени о человеке – цивилизации – морали, счастье и знании. По-просветительски она восторгается «нецивилизованным» человеком – простым, искренним, немного грубоватым, но здоровым физически и нравственно. Так она пишет о скандинавских мужчинах [“a robust, healthy, with commonsense and turn of humour rather, than for wit or sentiment”, p. 83]. И чуть ниже – высказывание довольно странное для «просветительского» человека о роли знаний, которые « в большом объеме губительны для экзотического национального характера» [р. 93]. Все в размышлениях М.Уолстонкрафт в каком-то парадоксальном пересечении разного, в их встрече-столкновении, где каждая идея, чувство, истина выверяются заново. И каждый раз в сложном сопряжении личного и универсального. Интимное проецируется на весь мир, на историю всего человечества.

Собственные переживания человека, попавшего в холодный, суровый край, соотносятся М.Уолстонкрафт с неким универсальным взглядом на мир, свойственным, как она сама скажет, «ботанику или ученому-естественнику» [р. 87]. Именно такой взгляд позволяет ей сейчас переосмыслить любимый труд Руссо – «Прогулки одинокого мечтателя»(1782) и библейскую идею о том, что первые жители земли обитали на юге. По М.Уолстонкрафт, земная жизнь людей началась на Севере, где так редко светит солнце. Именно здесь рождалось поклонение светилу, за лучами которого люди передвигались все дальше с севера на юг. М.Уолстонкрафт в своих поэтических предположениях в какой-то мере предвосхищает научные гипотезы Дарвина²⁰, но более всего идея эта оказала воздействие на романтическое воображение ее

²⁰ См.: Holmes Richard Notes // Wollstonecraft Mary and Godwin William... Op. cit.. P. 282.

«ближнего круга» – Шелли («Освобожденный Прометей»), М.Шелли («Франкенштейн»). Как напишет в своей поэме о Мери Уолстонкрафт Лиз Кэшдэн:

The landscape you didn't see but somehow
Left as legacy to your unknown daughter
Where her motherless monster made his escape²¹

Не случайно Франкенштейн и Демон устремлены к Северу²², к началу пути человечества, завершая некий цикл развития цивилизации. Символический мотив пути к солнцу или от солнца, означающий конец или начало жизни, будет не раз появляться в европейской литературе наступающего XIX века. О нем будет сигнализировать имя (Сольвейг в «Пер Гюнте» Ибсена), образ-символ (Стоунхендж – в «Тесс из рода Д'Эрбервиллей» Гарди), поэтика и проблематика произведения в целом («Слепые» Метерлинка). И сама М.Уолстонкрафт ощущает свое продвижение на Север как завершение некоего пути, как «путь от солнца» в ночную мглу. Отсюда преобладание меланхолического настроения в травелоге, акцентирование интереса к «ночной» стороне сознания, теме смерти, «кладбищенской» поэзии, которую М.Уолстонкрафт нередко цитирует. Все повествование пронизано чувством покинутости, одиночества, депрессии, желанием «закрывать глаза на весь мир, который обрек меня на одинокое странствие» [р. 122].

Лирический комментарий к внутреннему состоянию создает, безусловно, очертания романтического сознания, мироощущения, соединившего в себе личное и вселенское. Как по-разному возникает эта меланхолическая интонация в трактате о правах женщины (она возникает здесь от печали и негодования по поводу несовершенства мира людей²³) и в травелоге! В «Коротком путешествии...» удивительным образом совпало ощущение кризиса в истории и социальной жизни людей и краха личного счастья. Но меланхолия здесь в большей мере порождена страданиями собственного сердца [“pangs arising from the discovery of estranged affection, and the lonely sadness of a deserted heart”, p.115], хотя не исчезает ощущение взаимообусловленности, тождественности несчастья частного и глобального.

М. Уолстонкрафт рассказывает как бы две истории – «видимую», о северной Европе на фоне современной истории и «невидимую», глубинную, о себе самой. Этот второй план, оставаясь в подтексте, по-романтически раскрывается в неудержимых выплесках эмоций, страданий, в невольном «проговаривании» того, что мучает. Любой внешний факт обозреваемой действительности привлекает взор, прежде всего, своей глубинной связью с личным, потаенным. Так, неожиданное сочувствие вызывает услышанная М.Уолстонкрафт история о шведском короле, который помиловал женщину, убившую в отчаянии своего незаконнорожденного ребенка. Ведь, как размышляет она, сопоставляя все с чем-то своим, «отчаянное действие не всегда свидетельствует о врожденной порочности человека» [р. 104]. А идиллическая картина примитивного семейного счастья скандинавских крестьян вызывает теперь уже совсем другие чувства, нежели те, о которых писала в трактате о правах женщин. Там речь шла о семейных узах и родительских отношениях с детьми как о «самой бессмысленной модификации извращенного себялюбия» [“parental affection is, perhaps, the blindest modification of perverse self-love”, p.270]. Иначе теперь смотрит и на то, что считала одной из женских «глупостей» (folly). В главе 13 трактата «В защиту прав женщины»,

²¹ «Пейзаж, который ты не видела, но каким-то образом
Оставила в наследство своей неузнанной дочери,
О том месте, куда бежал ее лишенный родителя монстр»
(Пер. с англ. мой – Т.П.)
Cashdan Liz. Dear Mary... Op. cit. P. 22.

²² Любопытно, что во время пребывания М. Уолстонкрафт в Норвегии, повсюду были слухи о появлении в этих краях монстров (“monsters said to have been seen in the Northern sea”. Holmes Richard. Notes... Op. cit. P. 153).

²³ “After considering the historic page, and viewing the living world with anxious solicitude, the most melancholy emotions of sorrowful indignation have depressed my spirit (Wollstonecraft Mary. Author's Introduction// Wollstonecraft Mary. A Vindication of the Rights of Woman. Op.cit. P.79).

которая озаглавлена недвусмысленно – «Несколько примеров глупостей, которые порождены невежеством женщины», – М.Уолстонкрафт осуждает своих современниц за то, что они обучены только одному – поисками счастья в любви [“... only taught to look for happiness in love”, p. 313].

Теперь же все повествование пронизывает голос – плач той, которая отчаялась вернуть потерянную любовь, что есть не только «простое» женское счастье, но смысл жизни: « Жизнь! Что ты есть? Куда уходит дыхание? И я еще живу?... никогда я не увижу очертания своей любви, – она запечатлена в моем сердце, но как она осквернена!» [“... thus sacrilegiously handled!” P. 109]. И отсюда таким естественным кажется переход к мыслям о смерти. Они не покидают М.Уолстонкрафт на протяжении всего путешествия, потому что, как она скажет, «мысли о смерти делают нас еще более привязанными нежными узами к предмету любви» [p. 109].

Личное – крах былой любви – проецируется на весь мир, на мир без любви, который обрекает человека на вымирание. Из рассуждений М. Уолстонкрафт вырисовывается контур знакомой по высказываниям П.Б. Шелли романтической концепции любви, понимаемой широко, как движущей силы, благодаря которой возможно существование и процветание человека на земле. Сопоставление любви и прометеевого огня, появляющееся в травелоге [“love is generally termed a flame... Prometheus alone stole fire to animate the first man”, p. 116], будет подхвачено и развернуто в «Прометее Освобожденном» Шелли. Но во взглядах женщины, оказавшейся на «пограничье» времени и истории, еще есть свои акценты в понимании сути проблемы и причинно-следственных связей ее обуславливающих. Мир без любви – результат устремленности человека к обогащению [“chase after wealth”, p. 193]. Выявление М. Уолстонкрафт социального, экономического фактора несчастья, на первый взгляд, как бы свидетельствует об аналитизме ее просветительского мышления. Но весь биографический контекст пребывания в Скандинавии позволяет распознать сугубо личностное в «социальном» и «экономическом» факторе. В нем есть прямая соотнесенность с личностью Дж. Имли, его « бизнесом», который отдалил М.Уолстонкрафт от возлюбленного физически, духовно и нравственно [«бизнес обязал меня ехать далеко за пределы города...», с.116²⁴]. Но она самоотверженно выполняет задание, которое претит ее душе, погружается во все махинации (tricks) торговцев, которые, как скажет, потеряли здравый смысл и честь [“common sense was violated”, p. 143].

История собственной души, рассказанная М.Уолстонкрафт в форме «писем в никуда» (хотя эти письма и адресованы Имли, но есть ощущение, как и в «Оберманне» Сенанкура, условности адресата и его недостижимости), производит чрезвычайный эмоциональный эффект оттого, что обнажается через недомолвки, намеки.

Читатель догадывается по нескольким брошенным фразам о покинутой женщине и о ее незаконнорожденном ребенке, которого отец никогда не увидит [«Я возвращаюсь к своему дитя, которое, скорей всего, никогда не узнает нежность и заботу своего отца», p. 158]; о настроении отчаяния, которое приводит к мысли о смерти.

Крах любви, предательство возлюбленного на фоне слома, краха великих иллюзий времени подытожено М.Уолстонкрафт в выводе, который можно рассматривать как базисный для романтической поры. Человеку суждено лишь одно – быть в поисках некоего идеала, который пока еще находится за пределами реальной жизни. Но перспектива достижения этого идеала по-романтически проблематична [«размышления над привычными для меня объектами наблюдения приводят меня к мрачным мыслям по поводу совершенствования мира в будущем», p.187]. И жизнь, и человек полны непостижимых и непредсказуемых противоречий. Одна и та же

²⁴ “ you
were only here to chase Imlay’s ship
full of silver and plate, never mind
waterfalls, nature and sensitivity”
(«ты
была здесь только для того, чтобы преследовать корабль Имли,
наполненный серебром, драгоценным металлом, чтобы не видеть
водопады, природу и не чувствовать ничего»
Cashdan Liz. Dear Mary. Op.cit. P. 10).

энергия может сделать человека и социально значимым, и «отчаянным злодеем» [р. 169]. Почему? М. Уолстонкрафт ищет и находит ответ на этот вопрос, который будет ставить романтиков, скажем, М. Шелли во «Франкенштейне», в тупик. Для женщины Французской революции причины лежат в социальном неблагополучии, в плохой системе социального устройства [«общество плохо организовано», р. 169]. Ответ, который в своей абстрактности и малой соотнесенности с реальностью контрастирует с неразрешимостью вопросов, поставленных жизнью конкретного человека, историей самой М. Уолстонкрафт. И как бы «поправляя» свой проявляющийся порой радикально-революционный запал, М. Уолстонкрафт ставит ему точку в Дополнении к травелогу, где полностью соглашается с суждением Э. Берка о необходимости не революционного, а реформаторского пути изменения. Спустя 6 лет после выхода социально-политического трактата в защиту прав человека и отдельно женщины, овеянных революционным пафосом, высказан взгляд о других путях в изменении к лучшему. Для М. Уолстонкрафт в 1796 году вполне очевидны ошибки тех, кто спешил все исправить сразу, и с бестактной решительностью стимулировал процесс «протиестественного брожения» [“unnatural fermentation”, р. 198].

Травелог М. Уолстонкрафт «Короткое пребывание в Швеции, Норвегии и Дании» со всей полнотой воссоздает образ человека, оказавшегося на перепутье истории и собственной судьбы. При всей жанровой определенности путевых заметок речь в них идет не столько об экзотических странах северной Европы, сколько о мире собственной души. Все это открывало новые художественные возможности освоения действительности и человека, которые достигнут кульминации в романтической литературе. «Культурный туризм» (С. Зенкин) романтической поры и окажется в большей мере «не поиском незнаемого, а способом самопознания». Впрочем, это слова уже нашего современника²⁵, который сегодня пытается понять суть этой странной тяги человека к путешествиям. Но и через века, вчитываясь в удивительные по красоте слога и мысли, эмоциональной взволнованности письма М. Уолстонкрафт, понимаешь, что определение Петра Вайля универсально.

То, что М. Уолстонкрафт открывала для себя и в себе, не исчезло бесследно во времени. Все было унаследовано грядущим поколением поэтов, прозаиков, «растачивших» ее богатое наследие по крупицам:

“If Peder Ellefsen took Imlay’s treasure,
Coleridge and Wordsworth, Shelley,
The son-in-law you never knew, took yours,
Perhaps it always has to be up for grabs”²⁶

²⁵ Вайль Петр. Слово в пути // Иностранная литература, 2007, № 2. С. 3.

²⁶ «Если Пидер Элlefсен позаимствовал сокровища Имля,
А Кольридж, Вордсворт, Шелли,
Зять, которого ты никогда не видела, позаимствовали твои сокровища,
То, значит, всегда должно быть что-то, что можно позаимствовать».
(Cashdan Liz. Dear Mary. Op. cit. P. 10).